

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ
им. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

М. Н. Губогло

АНТРОПОЛОГИЯ ДОВЕРИЯ

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ ЯСК
МОСКВА 2016

УДК 811.35
ББК 81.2
Г 21

Книга подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
Исследовательский проект: № 14.01.00372а. Экспедиционный проект: № 14.01.18081е
Издается при поддержке издательского проекта РГНФ № 16-01-16061

Рецензенты: Чл.-кор. РАН Ю. В. Арутюнян (ИЭА РАН, Москва)
Д.и.н. В. В. Карлов (МГУ, Москва), Д.и.н. В. П. Степанов (ИКН, Кишинев)

Губогло М. Н.

Г 21 Антропология доверия. Этносоциологические и этнополитические очерки — М.:
Издательский Дом ЯСК, 2016. — 544 с.

ISBN 978-5-9907947-4-0

Исследование посвящено взаимосвязанным феноменам доверия и справедливости, с помощью которых решается проблема группового самоутверждения на личностном, региональном и институциональном уровне. Важными инструментами эффективности доверия и справедливости как качественного продукта социального капитала и миротворческой доктрины межэтнических отношений выступают, в частности, референдумы, проведенные в начале нового тысячелетия в Гагаузии, Крыму и Приднестровье.

С целью осмысления доверия в антропологическом плане и этнологическом аспекте в научный оборот вводится разработанный автором концепт добродетельности (от слова «добродетели»), означающий «класс добродетелей» — институты и принципы, правила и нормы «Грамматики жизнедеятельности» как нравственно-моральной и миротворческой основы традиционной народной культуры.

Источником и движущей силой доверия выступает стремление к справедливости, ради которой имеет смысл бороться за сохранение групповой самобытности и за самоопределение. Реальным и потенциальным катализатором и энергией борьбы за справедливость и самоопределение являются успехи преодоления исторических травм, движение против перетнанизации, сопротивление этнократической форме национализма и позитивный опыт социального капитала.

Смыслом движений за самоопределение в каждом из трех обследованных регионов является стремление сохранить традиции русскоязычия и русскокультурия.

ISBN 978-5-9907947-4-0

9 785990 794740 >

Михаил Николаевич Губогло

АНТРОПОЛОГИЯ ДОВЕРИЯ

Ведущий редактор Е. Андреева, Корректор О. Ланцова
Оригинал-макет подготовлен Е. Андреевой

Подписано в печать 01.12.2016. Формат 70×100 1/16. Бумага офсетная № 1,
печать офсетная, гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 44. Тираж 600 экз. Заказ №

Издательский Дом ЯСК. № государственной регистрации 1147746155325. Phone: (495) 624-35-92.

E-mail: lrc.phouse@gmail.com. Site: <http://www.lrc-press.ru>, <http://www.lrc-lib.ru>

Электронная версия данного издания является собственностью издательства,
и ее распространение без согласия издательства запрещается.

Оптовая и розничная реализация — магазин «Гнозис». Тел.: +7 (499) 255-77-57,

e-mail: gnoxis@pochta.ru. Костюшин Павел Юрьевич (с 10 до 18 ч.).

Адрес: Москва, Турчанинов пер., д. 4

УДК 811.35

ББК 81.2

© Издательский Дом ЯСК, 2016

© Губогло М. Н., 2016

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предупреждение типа исповеди: почему антропология?	7
Предисловие	19

Часть I. Историко-культурные и нравственные основания доверия и справедливости

Глава 1. Этнокультурные и исторические источники доверия и справедливости	31
Глава 2. Доверие добродетельству и добродетельство доверия (из опыта исследований этики в традиционной культуре гагаузов)	39
Глава 3. Доверие в этносоциологическом дискурсе	44
1. Постижение этноса: от субстанции к его изменениям	46
2. Историко-этнографическое картографирование — остановленное мгновение	48
3. Исследование современных этнических процессов — предтеча изучения динамичной этничности	50
4. Этничность: групповая (этнос) и индивидуальная (идентичность)	52
5. «Буридановы» проблемы этносоциологии: между неотрадиционализмом и импрессионизмом	56
6. Этносоциология и импрессионизм как методы познания повседневной жизни	59
7. Этносоциология в поисках этнокультурных параллелей	67
Глава 4. Доверие — важный ресурс этнополитического процесса	74
Доверие — важный ресурс этнополитических процессов. (Истоки постсоветской этнополитологии)	78
Заключение	99
Литература	104

Часть II. Из опыта этнополитического исследования доверия

Глава 1. Ущемленные интересы Гагаузии. Тренды напряженности между элитами Кишинева и Комрата	115
Глава 2. Исторические и нравственные основы доверия в традиционной культуре гагаузов	120
О ресурсах внутриэтнического единства гагаузов	123
Доверие в концептуальном и категориальном обрамлении	124
Этносоциологический взгляд	126
Доверие в смысловом поле соидентичности	132

Целование рук как знак доверия, уважения и деликатности	134
Dooruluk (притча о справедливости)	138
Заключение	146
Литература	150
Глава 3. Энергия, поэтика и этика борьбы за доверие	152
Краткая хронология подготовки референдума	153
Периодизация митингового движения за референдум	158
Этнокультурные и этнополитические параллели	160
Энергия и поэтика митингов	165
Растерянность, недоверие и агрессивность правящей элиты Кишинева	166
Глава 4. Зигзаги недоверия	168
Глава 5. Реальные и мнимые смыслы сепаратизма	179
Глава 6. Итоги референдума в Гагаузии — победа нарождающегося гражданского общества в Республике Молдова	192
Глава 7. Спустя два года (после референдума): гагаузы — этноменьшинство или этнопартнер в Молдове?	201
Заключение	211
Литература	216

**Часть III. Референдумы доверия и доверие референдумам
(этносоциологические исследования этнополитических процессов
в Приднестровье. Фрагменты постсоветской истории)**

Глава 1. Симбиоз этнической и региональной идентичности	245
Самоопределение региональной идентичности	245
Прорыв в решении «квадратуры круга»	248
Подходы к изучению этнорегиональной идентичности	252
Буджак: единый, хотя и разделенный	254
Референдум — правовая основа региональной идентичности	259
Языковая жизнь гагаузов и крымчан как смысловой текст	261
Компоненты традиционной культуры	264
Функции этнорегиональной идентичности	268
Выборы Башкана Гагаузии в 2015 году как текст	274
Этнодемографическая и этноязыковая панорама	278
Сфера образования	281
СМИ: пропаганда румынизма и русофобии	286
Наука	289
Язык делопроизводства и госучреждений	291
Политика и практика русофобии	291
Заключение	295
Литература	300
Глава 2. Самоопределение по-приднестровски	304
Глава 3. Региональная идентичность в контексте постконфликтных представлений	320

Глава 4. Этноязыковые аспекты этнополитических и этнорегиональных ориентаций	326
Глава 5. Референдум 17.09.2006 г.	330
Доктринальная основа тактики и стратегии проведения референдума	333
Восприятие референдума в общественном мнении	335
Глава 6. Гагаузия и Приднестровье — юго-западные форпосты Русского мира: ресурсы доверия	336
Языковые ресурсы «Русского мира».	341
Доверие и двуязычие как социальный капитал	357
Глава 7. Ресурсы доверия в сфере семейно-брачных отношений	381
Литература.	390

Часть IV. Этносоциологическое исследование доверия (Опыт крымчан)

Предисловие	395
Глава 1. Европейский парад референдумов.	404
1. Накат этнорегиональной идентичности на рубеже веков.	404
2. Виртуальные и реальные факторы в фокусе внимания европейских этнорегионалистов	411
Глава 2. Доктринальная основа и практики доверия и недоверия	425
Глава 3. Переменчивые смыслы, формы и основные этапы политики украинизации.	441
1. Историческое обрамление в этносоциологическом исследовании украинского нациестроительства	441
2. Доверие как доктринальная основа украинизации в 1920—1930 гг.	444
3. Смягчение курса украинизации накануне Великой Отечественной войны.	448
4. Парадокс Крымского референдума 16 марта 2014 г.	452
5. Факторы языковой жизни крымчан	456
6. Гражданская инфантильность и политическая апатия	460
Глава 4. Как все было: Крымская весна.	464
1. Эйфория референдума	464
2. Подготовка, цели и смыслы референдума	467
3. Технологии, условия подготовки, формат проведения референдума	473
Глава 5. Митинги доверия крымчан самим себе и В. В. Путину	476
Глава 6. Крымский референдум в кривом зеркале полемиического дискурса о федерализации	482
1. О принципах и нормах справедливости в современном нациестроительстве	482
2. Меры противодействия властей	483
3. Позиция Москвы: помощь соотечественникам	484
4. «Крымская весна» в кривом зеркале международного сообщества	490
5. Регионы и региональная идентичность в дискурсе украинского нациестроительства	495

---

6. Политические ориентации крымчан	496
7. Доверие референдуму как ресурс федерализации	499
Глава 7. Русский язык и вызовы федерализации	504
1. Идеология неукраинизма в СМИ и художественной литературе	504
2. О вкладе «бедных» и «богатых» регионов в ВРП Украины	507
3. Русский язык в культурном наследии украинского народа	508
4. Русский язык и поиски доверия	511
5. Векторы межэтнического раскола Украины	515
Вместо заключения	521
Литература	531

ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ ТИПА ИСПОВЕДИ: ПОЧЕМУ АНТРОПОЛОГИЯ?

В течение двух последних десятилетий произошел крутой разворот в предметном поле этнографии/этнологии. Она повернулась лицом к антропологии, ориентированной на изучение человека — носителя, выразителя и ретранслятора этничности, культурного наследия и «грамматики образа жизни». Возникла солидная исследовательская зона, вовлекающая представителей многих научных направлений отечественного гуманитарного знания: социологов, философов, политологов, социальных психологов, правоведов, демографов и многих других.

Мне, выпускнику кафедры этнографии исторического факультета МГУ по базовому образованию, автору исследований о повседневности, доверии, об этнополитических и этноязыковых процессах и мобилизациях, более уместными представляются исследования антропологические по сути, но выполненные методами этносоциологии и этнополитологии.

В студенческие времена едва ли не вплоть до самого развала Советского Союза антропологию понимали однозначно как науку о происхождении и эволюции человека, образовании человеческих рас и о нормальных вариациях физического строения человека. Мало кто оспаривал зарождение физической антропологии как самостоятельной науки в середине XIX в. и наличие в ее предметном поле исследования морфологии человека, теории антропогенеза, расоведения. С середины XX в. появился комплекс дисциплин, объединенных названием «биология человека», включающий исследования физиологических, биохимических и генетических факторов, влияющих на вариации строения и развития человеческого организма.

Из стандартной программы университетского этнографического образования 1960-х годов запомнились блестящие лекции доктора биологических наук, профессора М. Ф. Нестурха, автора монографии «Происхождение человека» (М., 1970) и капитальный, не без труда усваиваемый учебник Я. Я. Рогинского и М. Г. Левина «Антропология» (1978). В его третьем издании, увидевшем свет после моих студенческих лет, были даны общие сведения о строении человеческого тела и функции отдельных его органов; проводился сравнительный анализ ископаемых находок и прослеживался путь становления человека; рассматривались черты сходства и различий рас человека, причины, объясняющие их распространение, и вопросы о роли труда в процессе формирования человека [Рогинский, Левин 1978].

В кратком «Советском энциклопедическом словаре» с гигантским объемом, включающим 169 печатных листов (1600 страниц мелкого текста тремя колонками на каждой странице), приводились одногнездовые слова: антропологизм, антропогеография, антропологическая школа, антропометрия, антропоморфизм, антропонимика, антропософия, антропоцентризм и некоторые другие¹.

---

¹ Я воздерживаюсь от определения каждого из перечисленных терминов, так как некоторые уже сильно устарели или подвергнуты серьезной ревизии. Так, например, об антропософии говорилось, что это «мистическая доктрина, разновидность теософии, основанная в 1913 году Р. Штейнером; содержит фантастическое толкование различных областей знания, а также мето-

Обращает на себя внимание более чем «прохладное отношение к распространенной на Западе философской антропологии — в широком смысле — учение о природе (сущности) человека; в узком смысле — идеалистическое течение в западноевропейской философии XX в., преимущественно немецкой, основанной в 1920-х годах М. Шелером и Х. Плеснером. Исходило в значительной мере из идей философии жизни (В. Дильтей) и феноменологии Э. Гуссерли, в дальнейшем получили распространение идеи прагматизма (А. Гелен) и “культурантропологий” (Э. Рот-Хаккер и др.), экзистенциализма, структурализма и др.» [СЭС 1984; 1408].

Тесные связи этнологии/социологии/антропологии не отрицают авторитетные исследователи академик В. А. Тишков и С. В. Соколовский, хотя оба относятся к закреплённой в эти связи этносоциологии прохладно, не без удовольствия называя ее недостатки, хотя и не пренебрегая при этом ее достижениями и методико-инструментальными подходами² или даже признавая право на создание учебного пособия³.

Также как перед классической социологией, перед антропологией стоит задача исторической ориентации, что означает гораздо больше, чем элементарное изображение «исторического», «ситуативного», «пространственного» контекста. «Ввиду тесных связей, объединяющих общество во всем мире, — как утверждает один из самых популярных во всем мире учебников по социологии, — а также ввиду фактического исчезновения многих традиционных социальных систем социология и антропология становятся все более неразделимыми» [Гидденс 1999: 20].

В некоторых интерпретациях биографии современной антропологии сказывается давление ее наследия с времен ее зарождения, когда она занималась исследованием преимущественно ранних форм человеческой жизни. В самом деле, «именно здесь сформировались универсальные базовые принципы человеческого общежития, определившие само существование данной формы движения материи» [Бочаров 2001: 497—498].

Между тем самый краткий перечень ее основного «хлеба» (во-первых, тематики, вытекающей из необходимости изучения отношений социального и личного, во-вторых, этничности и идентичности, в-третьих, меняющегося мира и постоянных социальных и социально-этнических изменений) служит навигатором движения в сторону освоения человека, зависящего не только от внешних социально-экономических, этнополитических, идеологических факторов, но и изнутри, из самого себя, из совокупности нравственных, моральных и этических норм.

дику развития предполагаемых “тайных способностей” человека к духовному господству над природой. Оказала влияние на некоторых деятелей литературы и искусства, до сих пор влияет на педагогическую практику в ряде капиталистических стран» [СЭС 1984: 66].

В недавней публикации была предпринята попытка восстановить в правах антропософию в лоне российского гуманитарного знания на примере анализа событий и явлений русской истории и культуры, ведущих к пониманию их сверхчувственной основы [Бондарев 1996].

² «В Институте этнографии АН СССР родилось направление, получившее, на мой взгляд, — пишет В.А.Тишков, — не очень переводимое для остального мира, но понятное советским этнографам название этносоциология» [Тишков 2016: 6].

«Основным до сих пор неизжитым ее недостатком, — по мысли С. Соколовского, — остается не всегда оправданная этнизация самого предмета исследований, аналитическое надделение этнических сообществ функциями, которые, в сущности, являются как этнологическими, так и политическими» [Соколовский 2015: 526].

³ Перепелкин Л. С., Соколовский С. В., 1995, Новосибирск.

Систематически осуществляется продуктивный мониторинг современного состояния, структуры и имиджа российской антропологии с двуединой целью, во-первых, представить на карте влиятельную проблематику и постановку новых задач, во-вторых, имплантировать достижения отечественной этнографии/этнологии/антропологии в систему мировой науки [Соколовский 2003; 2009; 2011; 2015; 2016].

Решение второй задачи репрезентирует влияние скорее внешнего фактора на развитие современной не-физической антропологии, чем востребованность самопознания человека, нравственных норм его жизнедеятельности и его связи с этнической общностью и гражданским сообществом.

Активно разрабатывается «юридическая», «медицинская» и «гендерная» антропология, судя по многочисленным публикациям и широкомасштабной научно-организационной деятельности Н. И. Новиковой, В. И. Харитоновой и Н. Л. Пушкиревой. Пользуется популярностью инициированная Г. А. Комаровой серия «Антропология академической жизни» (т. 1—3, 2008—2013). Предпринимаются удачные попытки конституировать в рамках предметной области антропологии две самостоятельные дисциплины: прикладную политическую этнологию, с одной стороны, и этнографическую фольклористику — с другой [Соколовский 2015: 523].

Сделана серьезная заявка на конституирование «Антропологии власти», о чем можно судить, в частности, на примере монографии, посвященной лидеру партии «Батькивщина», дважды экс-премьер-министра Юлии Тимошенко. Не случайно в аннотации подчеркивается особый подход к исследованию этой личности не только как политического, но и как психологического и культурно-антропологического феномена [Гузенкова 2010].

Пока не созданы классические учебники по обновляемой антропологии (кроме, разве учебного пособия [Ушко 2014]), развивающейся в рамках отечественного гуманитарного знания параллельно с физической антропологией, она вводит в заблуждение консервативно ориентированных этнографов и этнологов. Предметное поле характеризуется стихийным набором субдисциплин, построенных на приверженности энтузиастов к тем или иным общественным проблемам. Назову наугад несколько новейших крупных монографий, порой не отличающихся от коллективного сборника, однако претендующих на участие в конструировании новейших субдисциплин. Общественное признание, в частности, получили книга «Антропология возраста» (2000) В. В. Бочарова, «Антропология насилия» (2001), увидевшая свет под редакцией В. В. Бочарова и В. А. Тишкова, «Антропология движения» (2009) А. В. Головнева, удостоенная в Интернете нескольких похвально-аналитических рецензий, «Антропология повседневности» (2013) М. Н. Губогло.

Антропологическое исследование этнополитических проблем в условиях демократии, даже если она декоративна, не может не принимать в расчет коллизию так называемого «молчаливого большинства» и «крикливого меньшинства». Трагедия правящего класса Украины, потеря Крыма, гражданская война на востоке — зловещие тому подтверждения.

Мой друг и соратник по комсомольской работе в комитете комсомола МГУ Р. И. Хасбулатов накануне развала Советского Союза, предчувствуя возрождение личности и освобождение ее от тяжеловесного балласта традиционного коллективизма, прозорливо призывал «видеть и другую сторону развития демократического процесса: свобода, не осмысленная как громадная ответственность перед обществом, формирующимся демократическим государством, не породит подлинную

демократию, не приведет народ к добродетели, высокой нравственности и милосердию» [Хасбулатов 1989: 318].

Завершая свое исследование о бюрократии, в том числе об этнических и этических нормах, Р. И. Хасбулатов высказал еще одну мысль, которую я охотно готов поддержать, читая его книгу четверть века спустя после ее издания. «Подлинная демократия, — по его словам, — должна опираться не на всеисилие бюрократически-аппаратных структур или анархическую вседозволенность, а на мощную социальную базу народов, утверждающих через свои представительные органы реальные принципы народовластия и самоуправления» [Там же].

Многие процессы и события постсоветского пространства, во-первых, подтверждают эту мысль, во-вторых, свидетельствуют о высокой значимости этических принципов, усвоенных и освоенных человеком, в реализации их в повседневной жизни, особенно если речь идет о важной роли принципов добра и справедливости, доверия и ответственности, выступающих навигаторами жизнедеятельности.

Сегодня, пока нет устоявшегося (канонического) определения какой-либо из нефизических антропологий, каждый исследователь определяет ее предметную область, проблемную ангажированность, а также новые субдисциплины по своему усмотрению тем или иным арифметическим перечислением основных сфер жизнедеятельности человека. Так, например, к влиятельным и перспективным направлениям относятся антропология организации и бизнеса, государственного управления, спорта, досуга, искусства, профессий, моды и некоторых других, входящих в ядро этнополитологии, юридической, медицинской антропологии и др. [Соколовский 2015: 523—532; 2016: 42—47].

К двум моим исследовательским проектам, посвященным антропологии повседневности и антропологии доверия, я охотно взял бы ключевым эпиграфом глубоко аргументированное предположение С. В. Соколовского о том, что «антропология с человеком в качестве центральной категории могла бы претендовать на наиболее почетное место среди всех социальных и гуманитарных исследований» [Соколовский 2016: 47], если бы в приведенном им перечне предметных полей нефизической антропологии встретил бы одну из наиболее актуальных тем, тему этических категорий, связанных с внутренними интенциями и мотивами деятельности человека, в том числе с его нравственной позицией, правовым и этнографическим пониманием справедливости как честности (по Роулзу), добродетелями и ответственностью перед самим собой, семьей, своими коллегами, своим народом и страной. Тем не менее я еще раз солидарен с тем, что «антропология сохраняет способность оставаться собой, а не мутировать в исследование культуры, общества, знака, текста, действия, традиции или чего-либо еще только при условии регулярного возвращения к ее центральной категории — человеку» [Там же].

На фоне океана литературы, связанной с конфликтологией, в лавине современных этнополитических исследовательских проектов скромно выглядят новейшие, но уже ставшие влиятельными многообещающие монографии известного российского ученого кабардинского происхождения Б. Бгажнокова, ориентированные на раскрытие миротворческого потенциала традиционной культуры [Бгажноков 2003; 2010], а также первая в этнологической историографии работа о традиционном этикете народов России, новаторская книга о культурных нормах, обуславливающих этику поведения в разных сферах, несколько ранее написанные коллективная монография об истоках этикета, обстоятельная монография о традиционных нормах по-

ведения русских крестьян [Никишенков 1999; Мартынова 2004; Байбурин, Топорков 1990; Громыко 1986; 1991].

Знакомство с одной из них («Антропологией морали») вдохновило академика В. А. Тишкова как благодарного читателя на создание самой короткой в мире «энциклопедии» морали, с иллюстрациями проявления нравственных норм в повседневной жизни на разных этапах жизненного цикла. Красноречивое признание академиком общественной значимости исследования антропологии морали стоит того, чтобы привести впечатляющую цитату целиком с целью обозначения контурных линий предметной области изучения нравственных основ этничности, этнической идентичности и доверия в межэтнических отношениях.

«Эта система знаний, — вспоминает В. А. Тишков о своем участии в работе съезда Европейской ассоциации социальных антропологов в г. Осло в середине 1990-х годов, в программе которого работала секция «Антропология морали», — помогает судить о том, что следует и чего не следует делать, отличая добро от зла, прекрасное от безобразного. С помощью этих знаний, основы которых усваиваются с детства, поддерживается необходимый уровень согласия и порядка в обществе. Морально-этические нормы усваиваются в процессе семейного и школьного воспитания, но человек всю жизнь проживает в среде моральных установок и поисков, в решении жизненных проблем и ситуаций именно под углом зрения морали. Человек чаще всего оценивает других людей и самого себя не только с точки зрения писанных правовых норм, но и с точки зрения внутренних или общественно признанных и на данный момент действующих среди людей моральных норм. С самого детства (не сори, не кради, не обманывай, не обижай младших и т. д.), через молодые годы (неэтично браниться, завидовать, предавать друзей и этично уважать старших, поддерживать страдающих и больных, спасать человека от опасности, честно трудиться, следить за своим телом, быть мужественным и т. д.) и так до взрослой жизни (научи доброму и передай полезный опыт молодым, поддержи и ободрив словом, почитай и помни старых и ушедших из жизни, соблюдай принятые обязанности в среде родственников и коллег и т. д.) — все это моральные нормы и чаще всего неписанные этические правила» (Тишков, С моралью по жизни. Цит. по: <http://www.valerytishkov.ru/cntn/nauchnaya/pred-stavly.html>).

Не менее убедительным выглядит посыл при разработке проекта «Антропология насилия» о том, что «антропология действительно все более становится наукой о человеке, а ее базовые принципы раскрываются также в двойственной сущности человека — существа биологического и социального» [Бочаров 2001: 498].

Антропологическое обращение к феномену «Человек» вытекает из современного состояния гибридных по составу этносоциологии и этнополитологии [Губогло 2016: 70—77]. К началу XXI века они имеют в своем арсенале значительные достижения и крупные выводы, касающиеся главным образом рассмотрения общества, в том числе и этноса и российской науки, как социальных и этнополитических организмов. При этом внимание акцентируется преимущественно на особенностях социально-экономических условий и политических факторов, а также на мотивации и субъективных катализаторах, порождающих различные формы социального взаимодействия. Вместе с тем полученные результаты представляются не вполне адекватными для истолкования резко возрастающего разнообразия, динамизма и «непредсказуемости» этносоциальных и этнокультурных изменений.

Очередной поворот от общества к человеку (а точнее, новые линии связи человека и социума), можно сказать, имеет тысячелетнюю историю. Еще в начале XX века,

штудировав труды гениального китайского философа Конфуция (551—479 гг. до н.э.), гениальный русский писатель Лев Николаевич Толстой записал в своем дневнике: «Сущность китайского учения такая: истинное (великое) учение научает людей высшему добру — обновлению людей и пребыванию в этом состоянии. Чтобы обладать высшим благом нужно 1) чтобы было благоустройство во всем народе, нужно 2) чтобы было благоустройство в семье. Для того, чтобы было благоустройство в семье нужно 3) чтобы было благоустройство в самом себе, нужно 4) чтобы сердце было чисто, исправно. (Ибо где будет сокровище ваше, там будет и сердце ваше). Для того, чтобы сердце было чисто, исправлено нужно 5) правдивость, сознательность мысли. Для того, чтобы была сознательность мысли нужна 6) высшая степень знания. Для того, чтобы была высшая степень знания нужно 7) изучение самого себя» (Толстой, цит. по xВолкова, книга 6, часть 2, 2015: 9—10).

Проследим ход рассуждений великого китайского мыслителя. Самая большая мудрость жизни состоит в раскрытии и возвышении силы и значимости разума. Однако для этого требуется порядок — в стране, в семье, в самом себе. Следовательно, наведение порядка нужно начинать с себя самого. Человек, не умеющий управлять самим собой, не в состоянии на должном уровне служить государству. Чтобы сделать самого себя (self-made), прежде всего необходимо образование, на втором месте — нравственные поступки, т. е. воплощение из арсенала этических принципов и категорий, третий посыл Конфуция — преданность, т. е. верность самому себе, исполнение принятых на себя обязательств. И, наконец, четвертый постулат — честность, которую через более чем два тысячелетия известный американский исследователь Дж. Роулз положит в основу своей теории справедливости [Роулз 1995].

Появление в Европе в средние века нового философского течения, ставшего доктриной и маркером эпохи гуманизма, представляло собой, подобно мосту над бездной, с середины I тысячелетия до н.э. до середины XIV в., совокупность учений, ориентированных на изучение, понимание и толкование человека мыслящего, способного обладать собственным достоинством и действовать, преследуя свои интересы. Это был переход от подчинения религии к пониманию значимости разума, воспитания и образования. Место религиозной веры стало занимать важное в смысловом отношении доверие к принципам и нормам этики и эстетики, как регулятор человеческих отношений.

Когда европейские интеллектуалы, художники, писатели, поэты, ученые взяли на вооружение слово «гуманизм», они обозначили этим самым социокультурный переворот в Европе, т. е. наступление новой эпохи. Попытка России на рубеже XX—XXI вв. после развала Советского Союза сделать шаг навстречу демократии, рыночной экономике означала выдвижение человека в центр научного познания и культуры. Сегодня мы имеем возможность наблюдать, как, не отказываясь от наследия классической отечественной этнографии, мы пытаемся с помощью антропологии и ее составных частей изучить принципы этики, как науки призванной решать мировоззренческие задачи, оптимизировать порядок в обществе, в умах наших граждан и в поведении людей за счет нового усвоения исторически сложившихся принципов гуманистической этики и ее категорий. Уже первые проведенные исследования по этноэтике как сподвижнице философии и антропологии морали, союзнице этносоциологии и этнополитологии по методам исследования дают основание надеяться на позитивные результаты.

Ставшие уже популярными многочисленные обзоры состояния российской этнографии, гибридных по составу этносоциологии и этнополитологии [Губогло 2016],

многоотраслевой антропологии вместе с ее субдисциплинами и междисциплинарными связями раскрывают наряду с новейшими успехами и достижениями востребованность социально-психологических, социолингвистических и нравственно-этических обоснований. Современная антропология, стремясь объяснить поведение и ход современных процессов, не может не тяготеть к сложным проблемам этических категорий — нравственности, справедливости, добра и зла, доверия—недоверия, к бинарным оппозициям «традиции—инновации», «мир—война», «порядок—разруха», «свой—чужие», «мужчины—женщины», «жизнь—смерть», «черное—белое», «любовь—ненависть», выступающим нравственной основой человеческого бытия.

С другой стороны, и этика, стремясь объяснить поведение и деятельность в целом, не способна заглянуть в душу человека без новейших подходов и методико-инструментальных приемов. Почему в исследовании современных проблем доверия представляется возможным прибегнуть к мудрости Конфуция, воспользовавшись как надежным «навигатором» подсказкой-рефлексией Л. Н. Толстого?

О масштабах становления антропологии как самостоятельной дисциплины с ее субдисциплинами и междисциплинарными связями в определенной мере можно судить по опубликованным заявкам на очередной сложноструктурированный XI Конгресс антропологов и этнографов, состоявшийся в июле 2015 года в Екатеринбурге. Так, например, из 6 симпозиумов, 46 секций и 2 круглых столов в названиях только 8 секций было слово «антропология», в том числе с упоминанием некоторых смежных дисциплин. При этом в секциях: 4 «Антропология медиа»; 22 «Этнология и антропология Арктики»; 36 «Антропология добра»; 39 «Политическая антропология и антропология традиционализма», среди 79 изданных тезисов доклада в названии ни одного из них не встречается наименование дисциплинарной принадлежности избранной темы исследования.

Симпозиум 2 (с. 61) «Проблемы современного этнологического образования и реализация направления подготовки “Антропология и этнология”» (рук. Смирнова Т. Б. (Омск) и Трушкова И. Ю. (Киров)). Опубликовано 7 докладов, в названиях которых повторяется название Круглого стола «Антропология и этнология». Запевными докладами для обсуждения были представлены доклады организаторов Круглого стола: 1) Смирнова Т. Б. «Реализация направления подготовки “Антропология и этнология”»; 2) Трушкова И. Ю. «Особенности разработки образовательной программы “Антропология и этнология” для региона».

Рекордсменом по части соответствия названий докладов проблематике объявленной темы (8 докладов из 20) стала секция 42 «Медицинская антропология: основные направления и проблемы исследования» (рук. Харитонова В. И. (Москва) и Михель Д. В. (Саратов)⁴).

---

⁴ Доклады:

1. Михель Д. В. (Саратов), Политико-экономическое направление в медицинской антропологии;
2. Петрова Л. Е. (Екатеринбург), Антропология медицинских профессий: проблемы доступа в поле и возможности ее решения;
3. Харитонова В. И. (Москва), Современное целительство как предмет исследования в медицинской антропологии;
4. Касмел Т. Я., Касмел Я. Я., О значении докторской диссертации Карла Эрнста фон Бэра «Об ондемических болезнях эстонцев для эстонской медицинской антропологии»;
5. Головазнин М. В., Булдакова Ю. Р. (Москва), Медицинская антропология в «Колымских рассказах» Варлама Шаламова;

Две сквозные темы в данной предлагаемой книге, во-первых, справедливость референдума как способа преодоления нарастающих рисков и социально-культурных противоречий между этническим меньшинством и большинством и, во-вторых, миротворческий потенциал морали и этики как гуманитарной основы преодоления турбулентности этнополитической ситуации, на первый взгляд мало сочетаются друг с другом. Однако я утешаю себя тем, что постановка трудноразрешимой задачи порой не менее важна, чем найденный рациональный ответ.

В конечном счете я следую мудрому совету основоположника миро-системного анализа Иммануэля Валлерстайна попытаться определить «как должны сочетаться разум (четкое понимание пределов возможного знания) и нравственность (приверженность справедливому обществу)» [Валлерстайн 2004: Предисловие автора к русскому изданию].

Как будет показано ниже, исследовательская тропа из отечественной и советской этнографии в постсоветскую не-физическую антропологию прокладывалась благодаря появлению ряда гибридных субдисциплин при творческом взаимодействии традиционной этнографии с пограничными предметными областями социологии, политологии, социолингвистики, демографии, географии, психологии и ряда других [Губогло 2015: 15—28; 2016: 70—77].

Поступив в Институт этнологии и антропологии РАН (до 1990 г. — Институт этнографии АН СССР) осенью 1966 года, за полувековое участие в индивидуальных и коллективных исследовательских проектах я оказывался втянутым в сферу многих новейших субдисциплин, имеющих междисциплинарный характер, в том числе в предметные поля этносоциологии и этнополитологии, тюркологии и социолингвистики, этнодемографии и этнокультурологии, социологии права и социальной психологии.

И хотя во многих ответах набатным колоколом звучал пессимизм по поводу кризиса этнографии и антропологии, на самом деле речь идет о расширении предметной области, о неизбежном сокращении которой, как о тающей льдине под лучами весеннего солнца, ярко, но не вполне справедливо, говорил почти полвека тому назад маститый историк [Губогло 2015: 16—17].

Ряд недавних обзоров состояния междисциплинарных субдисциплин, в том числе многочисленных «антропологий», расширяющих предметное поле этнографии за счет усиления внимания исследователей к изучению человека, в том числе его нравственности и морали в общей системе его ценностей, избавляет от перечислительного подхода. Призраки «кризиса», подобно «пожару в головах», в известной мере были спровоцированы трудами академика В. А. Тишкова, в том числе его влиятельной монографией «Реквием по этносу», в которой он, по собственному признанию, «не стал объявлять», что речь идет о теории, а не о гибели этноса [Тишков 2016: 5—16].

Интеллектуальным навигатором перехода от этнографии к различным направлениям, самоопределяющимся на базе этнологии в сочетании со словом антропология, служит специальный исследовательский обзор состояния этнографии и антропологии, предпринятый редколлегией журнала «Антропологический форум» в ряде

6. Белякова М. А. (Екатеринбург), Культурологическая репродуктивистика как новое направление антропологических исследований;

7. Михель И. В. (Саратов), Родовспоможение в фокусе медицинской антропологии;

8. Вершубская Г. Г. (Москва), Медико-антропологические и генетические подходы к анализу детерминант минерального обмена в кости.

номеров, в т. ч. в спецвыпуске накануне VI Конгресса этнографов и антропологов России (28.06—02.07.2005, Санкт-Петербург).

В размышлениях 45 этнографов и антропологов из 21 академического и образовательного центра наряду с рефлексиями о современном состоянии этнографии и антропологии, о наиболее значимой и перспективной проблематике, о сходствах и различиях с мировым уровнем содержались размышления о том, как соотносятся между собой этнография и обновляющаяся не-физическая антропология. Хотя корректнее говорить не о кризисе, а, во-первых, о хаотичном обогащении предметной области этнологии многочисленными, порой мелкотемными «антропологиями», во-вторых, о сокращении социального заказа к этнографическим исследованиям с целью оптимизации национальной политики, в-третьих, историографическим провалом в знании истории отечественной науки.

ЛИТЕРАТУРА

- Андреев 2005 — *Андреев В. Ф.* Современный этикет и русские традиции. М.: Вече, 2005.
- Апресян 1995 — *Апресян Р. Г.* Идея морали. М., 1995.
- Арутюнян и др. 2016 — *Арутюнян Ю. В., Губогло М. Н., Дробижска Л. М., Комарова Г. А.* Этносоциология: вчера, сегодня, завтра // Феномен междисциплинарности в отечественной этнологии / Отв. ред. и сост. Г. А. Комарова. М.: ИЭА РАН, 2016. С. 78—99.
- Байбурун, Топорков 1990 — *Байбурун А. К., Топорков А. А.* У истоков этикета. Этнографические очерки. Л., 1990.
- Бгажноков 2003 — *Бгажноков Б. Х.* Основание гуманистической этнологии. М.: Изд-во МРУДН, 2003.
- Бгажноков 2010 — *Бгажноков Б. Х.* Антропология морали. Нальчик: Изд. отдел КБИГИ, 2010.
- Бондарев 1996 — *Бондарев Г. А.* Ожидающая культура. Эзотерические очерки русской истории и культуры. М.: Эксмо, 1996.
- Бонхеффер 1994 — *Бонхеффер Д.* Сопrotивление и покорность. О глупости. М., 1994.
- Бочаров 2001 — *Бочаров В. В.* Антропология насилия // Антропология насилия / Отв. ред. В. В. Бочаров, В. А. Тишков, СПб: Наука, 2001. С. 497—532.
- Валлерстайн 2004 — *Валлерстайн И.* Конец знакомого мира. Социология XXI века. М.: Логос, 2004.
- Волкова 2015 — *Волкова П.* Мост через бездну. Кн. 6. Ч. 2. М.: Изд-во Мелихово, 2015.
- Все об этикете. М.: Вече, 2000.
- Гидденс 1999 — *Гидденс Э.* Социология / Науч. ред. В. А. Ядов. М.: Эдиториал УРСС, 1999.
- Громыко 1986 — *Громыко М. М.* Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. М.: Наука, 1986.
- Громыко 1991 — *Громыко М. М.* Мир русской деревни. М.: Молодая гвардия, 1991.
- Губин 2007 — *Губин В. Д.* Основы этики: учебник. М.: Форум ИНФРА-М, 2007.
- Губогло 2015 — *Губогло М. Н.* Этнология и социально-культурная антропология: «тающая льдина» или «снежный ком»? (О культуртрегерской миссии РГНФ) // Вестник РГНФ. 2015. № 4(81). С. 15—28.
- Губогло 2016 — *Губогло М. Н.* Этносоциология и этнополитология в системе междисциплинарного знания // Феномен междисциплинарности в отечественной этнополитологии / Отв. ред. и сост. Г. А. Комарова. М.: ИЭА РАН, 2016. С. 70—77.

- Гузенкова 2010 — *Гузенкова Т. С.* Антропология власти. Юлия Тимошенко. М.: Издательство «ФИБ», 2010.
- Гуревич 2012 — *Гуревич П. С.* Философская антропология. М.: Омега-Л, 2012.
- Инал-Ипа 1984 — *Инал-Ипа Ш. Д.* Очерки об абхазском этикете. Сухуми, 1984.
- Ионас 2004 — *Ионас Г.* Принципы ответственности. Опыт этики для технологической цивилизации / Пер. с нем. М., 2004.
- Комарова 2015 — *Комарова Г. А.* Антропология академической жизни: современное состояние и перспективы // Традиции и инновации в истории и культуре. Программа фундаментальных исследований Президиума Российской академии наук. «Традиции и инновации в истории и культуре» / Отв. ред. А. П. Деревянко, В. А. Тишков. М., 2015. С. 503—518.
- Лосский 1991 — *Лосский Н. О.* Условия абсолютного добра. Основы этики. Характер русского народа. М.: Политиздат, 1991.
- Лэнгль 2006 — *Лэнгль А.* Что движет человеком? Экзистенциально-аналитическая теория эмоций. М., 2006.
- Марасин 2002 — *Марасин В. В.* Человек... добродетели и пороки, достоинства и недостатки. М., 2002.
- Мартынова 2004 — *Мартынова М. Ю.* Мир традиций и межкультурное общение. М.: Изд-во РУДН, 2004.
- Мур 1984 — *Мур Дж.* Принципы этики. М., 1984.
- Никишенко 1999 — *Никишенко А. А.* Традиционный этикет народов России (XIX — начало XX вв.) / Под ред. Ю. И. Семенова. М.: Старый Сад, 1999.
- Перепелкин, Соколовский 1995 — *Перепелкин Л. С., Соколовский С. В.* Этносоциология. Учебное пособие. Новосибирск, 1995.
- Радуль-Затуловский 1947 — *Радуль-Затуловский Я. Б.* Конфуцианство и его распространение в Японии. М.; Л., 1947.
- Роулз 1995 — *Роулз Дж.* Теория справедливости / Науч. ред. проф. В. В. Целищев. Новосибирск: Изд-во Новосиб ун-та, 1995.
- Советский энциклопедический словарь / Глав. ред. А. М. Прохоров. (Изд. 3-е.) М.: «Советская энциклопедия», 1984.
- Современные вызовы электоральным процессам. Докл. Росс. обществ. ин-та избирательного права (РОИИП). Варшава, 22.09.2014.
- Соколовский 2003 — *Соколовский С. В.* Четверть века российской антропологии. 1975—2000 // Этнометодология: проблемы, подходы, концепции. Вып. 9. М., 2003. С. 136—159.
- Соколовский 2009 — *Соколовский С. В.* Российская антропология: иллюзия благополучия // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2009. № 1. С. 45—64.
- Соколовский 2011 — *Соколовский С. В.* В цейтноте: заметки о состоянии российской антропологии // *Laboratorium*. Журнал социальных исследований. 2011. № 2. С. 70—89.
- Соколовский 2015 — *Соколовский С. В.* Российская антропология: субдисциплины и междисциплинарные связи // Традиции и инновации в истории и культуре. Программа фундаментальных исследований Президиума Российской академии наук. «Традиции и инновации в истории и культуре» / Отв. ред. А. П. Деревянко, В. А. Тишков. М., 2015. С. 518—536.
- Соколовский 2016 — *Соколовский С. В.* Дисциплинарная структура российской антропологии и развитие новых направлений // Феномен междисциплинарности в отечественной этнополитологии / Отв. ред. и сост. Г. А. Комарова. М.: ИЭА РАН, 2016. С. 31—52.
- Тейдзю 1911 — *Тейдзю И.* Японская этика. М., 1911.
- Тишков 1992 — *Тишков В. А.* Советская этнография: преодоление кризиса // Этнографическое обозрение. 1992. № 1. С. 5—20.
- Тишков 2000 — *Тишков В. А.* Политическая антропология — Lewiston; Queenston\$ Lamporter. Edwin Mellen Press. 2000.

- Тишков 2002 — *Тишков В. А.* Горизонты российской этнологии. К 70-летию Ин-та этнологии и антропологии РАН // Новая и новейшая история. 2002. № 5. С. 3—18.
- Тишков 2003 — *Тишков В. А.* Российская этнология: статус дисциплины, состояние теории, направления и результаты исследований // Этнографическое обозрение. 2003. № 5. С. 3—23.
- Тишков 2016 — *Тишков В. А.* Отечественная этнология и симбиоз наук // Феномен междисциплинарности в отечественной этнологии / Отв. ред. и состав. Г. А. Комарова. М.: ИЭА РАН, 2016. С. 5—16.
- Тишков, Пивнева 2010 — *Тишков В. А., Пивнева Е. А.* Этнологические и антропологические исследования в российской академической науке // Новая и новейшая история. 2010. № 2. С. 3—21.
- Хабермас 1995 — *Хабермас Ю.* Демократия. Разум. Нравственность. Московские лекции и интервью. М.: АCADEMIA, 1995.
- Хасбулатов 1989 — *Хасбулатов Р. И.* Бюрократия тоже наш враг... М.: Политиздат, 1989.
- Ушко 2014 — *Ушко С. В.* Этнология и социология антропологии: учебное пособие для студ. учреждений и высш. образования. М.: Академия, 2014.
- Швейцер 1973 — *Швейцер А.* Культура и этика / Пер. с нем. Н. А. Захарченко, Г. В. Колшанского. М.: Прогресс, 1973.
- Эфроимсон 1995 — *Эфроимсон В. П.* Генетика этики и эстетики. СПб.: Талисман, 1995.